

С. Я. КАРП,

ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук, профессор (Москва)

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

Д. ДИДРО И А. В. НАРЫШКИНА

Хорошо известно, что петровские преобразования и последовавшие за ними перемены в жизни России XVIII в. вызывали при-

стальный интерес многих крупных деятелей европейского и, прежде всего, французского Просвещения. С одной стороны, *философы*

использовали так называемый «русский миф» (внезапное — словно по мановению руки великого монарха — превращение отсталой окраины Европы в одну из великих держав) для критики так называемого Старого порядка — строя и уклада жизни дореволюционной Франции, переживавшей глубокий кризис. С другой стороны, французских просветителей действительно увлекал масштаб перемен, интересовала степень их глубины, а также перспективы и реальные возможности модернизации, прогресса. Все эти сюжеты находились в центре оживленной полемики. Монтескье в «Духе законов», отдавая должное гигантским усилиям Петра, указывал, что тому так и не удалось вырвать свою страну из лап рабства и деспотизма. Вольтер в своей «Истории Российской империи при Петре Великом» восторгался царем, сумевшим, по его мнению, блестяще продемонстрировать колоссальную роль просвещенной личности в истории. Руссо в «Общественном договоре» весьма критично отнесся к реформам Петра, к его жажде заимствований: он утверждал, что Петр стремился сделать из своих подданных немцев или англичан вместо того, чтобы сделать их гражданами своей страны.

Наименее изученными и понятыми до сих пор остаются взгляды Дени Дидро, его суждения о России и российских реформах, отличающиеся меньшей систематичностью и плохо укладываемые в какую-то определенную схему. Между тем Дидро был единственным из великих мыслителей европейского Просвещения, кто посетил нашу страну. Пребывание в Петербурге в 1773–1774 гг. побудило его написать два крупных политических сочинения — «Записки философского, исторического и пр. содержания для Екатерины II» и «Замечания на Наказ» ее Уложенной комиссии. Традиционно у нас и за рубежом взгляды, высказанные Дидро в этих сочинениях, интерпретируются весьма упрощенно: Дидро встречался только с Екатериной II, ничего не знал и не мог знать о России, что не мешало ему давать императрице советы о том, что ей надлежит делать для развития своей страны. Она гораздо лучше его представляла себе положение дел и лишь снисходительно выслушивала его самонадеянные утопические советы — освободить народ, ввести представительное правление, перевести столицу в Москву и т. д. Однако современные работы Ж. Дюлака, Дж. Годжи, Б. Биноша, мои собственные исследования вносят существенные коррективы в эту картину. Сегодня мы знаем, что Дидро был неплохо информирован о России, что круг его русских знакомств был значительно шире, чем обычно считается (около 150 человек).

Более того, раздумья Дидро о России стали его вкладом в разработку теории цивилизации — осознание истории как процесса постепенной социальной и культурной эволюции человечества, проходящей через определенные стадии и связанной с определенными закономерностями.

Цель данного сообщения — познакомить вас с небольшой частью моего более обширного исследования, посвященного взглядам Дидро на цивилизацию сквозь призму русского опыта в сравнении с рассуждениями на эту тему, высказанными Алексеем Васильевичем Нарышкиным и содержащимися в двух его работах — «*Ressouvenirs sur la Russie*» и «*Quelques idees de passe-temps*», анонимно опубликованных в Риге на французском языке в 1791–1792 гг., то есть много лет спустя после отъезда Дидро из России и даже после его смерти (в период Французской революции). Насколько уместно сближение этих двух столь различных имен?

Во-первых, они были близко знакомы и тесно общались: именно А. В. Нарышкин, молодой камергер Екатерины II (бывший дипломат и будущий сенатор), выполняя поручение императрицы, привез Дидро из Гааги в Петербург в своей карете. Именно А. В. Нарышкин и его брат С. В. Нарышкин предоставили Дидро кров в Петербурге: в их доме он провел все пять с половиной месяцев своего пребывания в столице Российской империи. Именно на А. В. Нарышкина как на важный источник своих сведений о России Дидро неоднократно ссылается в тексте «Записок философского, исторического и пр. содержания для Екатерины II». Во-вторых, сравнивая их взгляды, высказанные в совершенно разных по времени написания, форме и назначению работах, я не собираюсь проследить филиацию их идей; более важным мне представляется установить общие предметы их рассуждений, чтобы затем уже понять, что их объединяет, а что отличает друг от друга. Один из таких сюжетов — образ Москвы (у Дидро — в непосредственном сравнении с образом Петербурга).

Как известно, Дидро был не просто западным путешественником, посетившим Россию в царствование Екатерины II: он был представителем передовой Европы, вождем энциклопедистов, философом-материалистом, атеистом и космополитом. А. В. Нарышкин же в своих политических сочинениях выступает как консерватор-утопист: один из первых русских славянофилов, он ностальгирует по безвозвратно ушедшему прошлому, крайне идеализируя Московское царство — допетровскую Русь. Тем не менее в их отношении

к Москве обнаруживается немало сходства. Совет Дидро перенести столицу России в Москву, как и романтические взгляды Нарышкина на историю, были основаны на осуждении чрезмерного волюнтаризма Петра, признании необходимости развития любого общества на собственной основе. Другое дело, что Дидро при этом исходил из необходимости раскрепощения русского на-

рода, привития ему духа свободы. Нарышкину же эта мысль была уже достаточно чужда: для него едва ли ни единственным критерием благотворности любых законодательных мер стало их соответствие традиции, местным условиям, готовности населения их воспринять. Однако осмысление этих расхождений выходит за рамки темы моего доклада.